

Глава 1

Напротив меня уже полчаса сидит очкастый лысый чмошник, похожий на крысу.

— И все-таки, Кирилл Олегович, мы настаиваем на передаче этого пустыря под строительство торгового центра, — монотонно нудит он.

— Слушайте, — устало говорю я. — Я все решил еще с Борисом Аркадьевичем, когда возвращал сохраненные деньги. На пустыре будет построен спортивный центр для жителей района.

Чмошник не обращает на мои слова никакого внимания.

— Вашу заинтересованность в муниципальных выборах мы понимаем и готовы поддержать. Но нам необходим на этом месте торговый центр. Мы готовы выделить вам двадцать процентов владения. И это последнее предложение.

Я начинаю закипать.

— Мне не нужна поддержка. Ничего общего с вами я больше не имею и не буду иметь. Я помогал Борову потому, что на этот пустырь мы с ним из детдома бегали! Мы там о стадионе мечтали! А потом он в Грозном меня контуженого из-под огня вынес. И когда Боров сел, ближе меня у него никого не было. И его смерть ничего не меняет.

Я поворачиваюсь к двери и кричу:

— Света! Проводи посетителя, он уходит!

— Жаль, что мы не договорились, Кирилл Олегович.

Крысюк встает с кресла и холодно кивает мне.

— Прощайте!

Дверь за переговорщиком закрывается, и Светлана приносит кофе.

— Распоряжения, Кирилл Олегович?

— Свет, я домой поеду. Что-то беспокойно мне. Перенеси запланированное на завтра, — говорю я.

Выхожу из лифта сразу на парковку. Удобно: спускаешься из офиса почти в машину — и вроде как уже дома. Дохожу до своего авто. На лобовом стекле записка. Тянусь к ней, и тут орет чувство опасности, основательно забытое за последние лет семь. Оборачиваюсь и еще успеваю услышать металлический лязг пистолета с глушителем, после чего сердце взрывается болью.

— Может, ваши наследники будут поговорчивее, Кирилл Олегович, — слышу крысообразного.

«А вот хрен вам по всей морде», — улыбаюсь я, и сознание гаснет.

«Наследников нет, а вся недвижка выведена из владения через трасты. Будет теперь в городе благотворительным фондом больше. Замучаетесь копать, — возникает продолжение мысли. — Хм, сердце не болит, тело не слушается, но вроде жив. Промахнулся, что ли, крыса?»

Я нахожусь в темноте, тело онемело так, что даже глаза не открыть. Ничего не слышу. Постепенно возникает ощущение неправильности. Оно

растет из точки и внезапно накрывает волной. Как удар резко начинают работать все чувства, и первые несколько секунд не могу разобрать, где я и что со мной.

Понимаю, что лежу не на кровати в медцентре, а, скорее всего, в лесу и на земле. Звуки, запахи — все перемешалось. Что-то давит в поясницу. Пытаюсь открыть глаза, но не получается. Ничего, подожду. Тем более что с этой волной чувств я вроде начал оживать: появились ощущения и даже двинул пальцем. Тело как будто отходит от заморозки: руки и ноги начинают понемногу двигаться, но происходит это через боль от тысяч мелких иголок по всей коже.

Открываю глаза. Голова кружится, но поднимаюсь на руки, чтобы осмотреться. Точно, нахожусь в лесу. Правда, в довольно странном. Большие деревья вокруг поляны, огромный кражистый дуб в ее центре — таких крупных и высоких деревьев давно не видел. Все как-то слишком. «С другой стороны, мало ли мест у нас в той же тайге, где могут оставаться деревья-исполины», — мысленно пожимаю плечами.

Я совершенно спокоен. Чувств нет, только мысли. Смотрю на руки и не узнаю их. Они точно не мои. Осматриваю себя. Худощавый, рост пока непонятен. Шелковая белая рубашка, шерстяные штаны и лакированные туфли довольно дико смотрятся посреди леса. Карманов нет, украшений нет. Откуда пришел — непонятно. Следов вокруг тоже нет.

Поднимаюсь на ноги. Довольно высок — или так кажется? Но в любом случае это не мое тело. Мне на момент выстрела крысы было чуть за сорок, и качалку я посещал постоянно. А здешний

я моложе лет на двадцать пять, да и вряд ли работал с тяжестями. При этом тело жилистое — я покачался в разные стороны — и гибкое. Спокойствие списываю на привыкание к телу. Видимо, гормоны еще нормально не запустились, но, может, это и к лучшему.

Делаю шаг к дубу в центре поляны и застываю от накатившего воспоминания.

Огромный светлый зал. Красивая белокурая женщина, оглядываясь назад, кричит мне:

— Беги! Хватай сестру и беги во вторую испытательную! Выбор «А»! Слышишь?! Беги, они уже в доме!

Женщина порывисто обнимает нас и толкает от себя. Я подхватываю мелкую на руки и бежу к выходу. Сзади реальность идет изломами, как будто стена с входом в зал отражается в разбитом зеркале.

«Высший родовой аркан», — приходит из ниоткуда понимание.

Кружится голова, и не хватает воздуха. В груди что-то сжалось, и я узнаю давно забытое чувство потери.

«У меня есть семья! И им угрожают!»

С трудом давлю желание бежать и что-то делать. «Пока не видел тел, все живы», — приходит мобилизующая мысль.

Встряхиваюсь. Надо посмотреть, где я. Делаю шаг к дубу в центре. И опять накатывает воспоминание.

Я бегу с сестрой на руках по коридору вниз во вторую испытательную. Знаю, что обычно мне

туда нельзя, но сейчас каменные двери распахнуты. Забегаем, двери тяжело закрываются. Впереди на полу обсидиановая плита, рядом колонна из того же материала, примерно мне до пояса.

Над колонной появляется небольшая прозрачная фигура.

— Представьтесь.

Я режу о выступ колонны левую руку.

— Я вас ждал. Что выбираете? — спрашивает необычно живой призрак.

— Мама сказала «Выбор „А“».

— А, аварийная эвакуация. Вынужден предупредить: запасенной энергии хватит на одно перемещение по заданным координатам. Второе будет произвольным. Прослушайте запись фонографа.

Сверху доносится глухой удар.

Внезапно зашипело, и со стороны стены раздается спокойный мужской голос:

— Сын, дочь. Эта запись на крайний случай. Вы перенесетесь в тот поселок, где мы были прошлой осенью, к Владимиру и Елене. Они не только наши близкие друзья, но и прямые мои, а теперь, если вы слышите это сообщение, то и ваши вассалы на крови. Они предать не могут, пока жив хоть кто-то из нас, да и не захотят. Им можно доверять. Документы на всякий случай у них есть. Раз уж дошло дело до эвакуации, то никуда не влезайте, пока не разберется, что происходит, и с последствиями. Особенно, Кирилл, это касается тебя. Все остальное они вам расскажут сами, они в курсе всей работы. Держите носы по ветру, мы с мамой в вас верим.

— Запись закончена. Кто поедет первым — добро пожаловать на алтарь, — хихикает дух.

Я ставлю сестру на плиту.

— Не плачь, я следом за тобой. Даже если не допрыгну, то найду тебя позже.

— Обещаешь, братик? — плачет сестра.

— Конечно, Настя. Может, мне понадобится чуть больше времени, но я обещаю, — успокаиваю ее. — Запускай.

Вокруг плиты возникает вихрь из изломанного пространства, на мгновение мелькает другая комната, и плита пустеет.

— Перемещение завершено успешно. Предлагаю поспешить со вторым. Большая часть обороны дома не отвечает. Имя начинает сворачиваться, а это мы с твоими родителями ни разу не репетировали. Аркан пока не отработан.

— Открой двери, я на помощь родителям.

Разворачиваюсь и делаю шаг к дверям.

— При выборе «А» это невозможно: двери сплавлены. Отсюда выход только через плиту, — вроде даже как-то сочувственно говорит дух. — Энергии хватит на ваше произвольное перемещение в пределах трехсот-четырехсот миль. Города не советую: много переменных, не успеем.

— Тогда на какой-нибудь пустырь поближе к дому, на твое усмотрение.

Встаю на плиту.

— Поближе, говоришь, на усмотрение, — хмыкает дух. — Ну, готовься тогда, и удачи.

Тут снова доносится сильный удар, уже почти рядом. Я готовлюсь бежать на помощь родителям.

— Три, два... — спокойно отсчитывает фигура. — Поехал.

Вокруг плиты опять идет кругом изломанное пространство, и в этот же момент откуда-то в сферу бьет молния.

Воспоминание запускает что-то в теле. Внутри солнечного сплетения очень быстро начинает усиливаться напряжение, будто надувается воздушный шарик, оно волнами пробегает по рукам и телу. И когда состояние надутого шарика становится нестерпимым, это напряжение выплескивается искореженным пространством в разные стороны. Как в воспоминании, только очень недалеко.

Медленно дохожу до дуба, сползаю по нему спиной. Состояние опустошенности, как после тяжелой и опасной работы «на разрыв». Круг, где меня накрыло этим выбросом, отчетливо выделяется на поляне. Он небольшой, может метра два в диаметре, но в нем мелко перемешана трава с камнями и землей. Немного жутковато.

Постепенно отпускает. Понимаю, что сестра с большой вероятностью в безопасности, а про родителей пока непонятно. Но пока не видел, живы. «У меня есть семья!» Эта мысль даже важнее, чем осознание себя магом. Что магия? Это инструмент, и все тут. А вот семья — это то, чего не было у меня никогда. И кто-то здесь решил нас уничтожить?

В центре груди опять начал надуваться шарик. Хм, вот как это работает, учту. Встряхиваюсь: я нужен им! Поднимаюсь на ноги, осматриваюсь. И внезапно...

ОПАСНОСТЬ!

На поляну, совершенно не скрываясь, выходят два волка размером с небольшую лошадь. Идут не торопясь, как будто зная, что мне от них куда не деться. Да и куда им спешить? Таким волкам и медведь дорогу уступит. Огромные твари, я даже не думал, что такие существовать могут.

Подрываюсь, цепляюсь за ветку и быстро ползу на дуб. Один из волков делает рывок, но немного запаздывает. Его челюсти щелкают буквально в полуметре от меня. Он становится передними лапами на дуб и неспешно тянется в мою сторону. Для него это игра, и в ней он уже выиграл. Дело только во времени.

Я в шоке смотрю на чудовище. Его голова от уха до уха размером с длину моей руки будет. Волк фыркает, как смеется, и становится опять на четыре лапы. Второй медленно приближается к дереву. Поводив носами, они смотрят вверх. Один ложится прямо под деревом, на место, откуда меня отлично видно. Второй, поискав что-то у земли, идет по моим следам. Отойдя метров на пять, чихает и возвращается обратно.

Оба поднимают морды. Смотрим друг на друга.

— Да, теперь я живу здесь. — Меня потряхивает и пробивает на разговор. — В гости не приглашаю: угощать пока нечем. Может, попозже придете, не? Через пару дней, например?

Волки синхронно облизываются, как бы показывая, что идея про угощение отличная, а вот про попозже — не очень. Они тут посидят.

Один из волков встает и, обнюхавшись с другим, не спеша уходит в лес. Второй, покрупнее, лениво потянувшись, устраивается на том же месте.

Появляется время на подумать. Прямо сейчас опасность мне, конечно, не угрожает, но никуда не делась. Даже один этот зверь порвет меня пополам не напрягаясь. А на дереве вечность не высидишь. У меня от силы этот день, не больше.

Лезу выше — посмотреть, куда меня закинуло. Вроде с призраком я говорил о близком городе, хотя уже понимаю, что вряд ли. Не те волки, не те деревья. В общем, даже не разочарован. Вокруг лес. Города не видно нигде. Не очень далеко, думаю километрах в пяти, может десяти, виден дым, а где дым, там почти всегда люди. Хорошо, с направлением определился.

Устраиваюсь в удобной развилке. Мне здесь, по идее, лет пятнадцать-шестнадцать. Я помню поместье и понятие родового аркана. Значит, меня должны были чему-то учить. Сам я точно маг. Даже если я раньше не проявлял склонности к магии, то какие-никакие знания про атаку-защиту должны быть. С памятью, конечно, нелады, но шансы вспомнить что-то нужное большие.

Закрываю глаза, настраиваюсь на «вспомнить что-нибудь, связанное с магической атакой». Повторяю это себе, как мантру. Успокаиваюсь, и память отзывается.

— Братик, а покажи бабочек! — дергает за сюртук сестрица. — Ну покажи!

Я сижу в саду на берегу небольшого замерзшего пруда и старательно повторяю урок атакующего конструкта¹. Сил у меня немного, так как почему-то не растет ядро. Ма говорит, чтобы я не переживал, это у всех по-разному начинается. Вот с плоскостями нашего родового щита я научился управляться прекрасно. Только они маленькие, с ладонь размером. Зато я их могу призвать

¹ Конструкт — сложившееся название для магической техники. — Здесь и далее примеч. авт.

шесть штук. Я даже думал соединить все шесть, и тогда получилось бы хоть что-то приличное, но больше чем по две пока что не получается. Зато вот сестре бабочек могу сделать зимой.

А атакующие конструкторы не получаются совсем. Вроде ну чего сложного-то? Ближняя атака — это просто к силе обращаешься и через ладони выводишь. Руки тогда камень разрезать смогут, правда, небыстро. А дальняя атака — это из той же ближней просто веретено свернуть круговым движением и оттолкнуть от себя. Всё. Элементарно, два шага, но не получается. Зато щиты... М-да.

Отец не очень доволен, но молчит, хотя я вижу, что ему мой прогресс не нравится совсем. Ну, это и понятно. Он у нас один из грандов, основ империи, личный друг самодержца. Горжусь им. Вот и упираюсь. Вроде сил должно хватать, но на деле пока только эти бабочки, например. Насте очень нравятся.

Я запускаю шесть маленьких неровных щитков. Они получаются радужные такие, как пузыри, только плоские. Соединяю попарно. Получились три порхающие бабочки. Не будучи иллюзионистом, контролировать движение шести отдельных конструкторов получается с трудом, но справляюсь, даже привычно в чем-то.

Настя бежит по снегу за зимними бабочками и счастливо смеется.

Воспоминание обрывается. Похоже, проживем еще. Все-таки чему-то учили. Хорошая у меня все-таки память, жаль только, что фрагментарная. Но ничего, здесь бы выжить, а память вернется. Не зря нужные воспоминания приходят.

Получается, то, что надувалось вот только недавно у меня в груди, это и есть ядро. Раньше оно ощущалось по-другому. Прислушиваюсь к себе. В центре груди мягко пульсирует теплый пушистый шарик. Пробую обратиться к ядру так, как учили в воспоминании, и внезапно получается легко. Видно, у меня до этого момента особых потрясений в жизни не было, вот ядро и не запускалось как надо. Оно, значит, у меня на эмоции завязано. Это хорошо, у меня теперь этих эмоций — чем угодно ешь. Как я еще щиты делать научился — вот вопрос.

Буду пробовать все техники из воспоминания. Начну со щита: я его помню хорошо. Закрываю глаза, глубоко вздыхаю. Погнали.

Обращаюсь к ядру и аккуратно, с мыслью о защите, вывожу теплую и такую родную силу через руки. Рисую мысленно фигуру, отвечающую за щит, и пропускаю через нее текущую силу. Раньше я просто представлял конструкт щита, и он появлялся, сейчас же делаю по объяснениям.

Открываю глаза. Передо мной висит плоский переливающийся круг примерно с полметра диаметром. Прислушиваюсь к себе — ядро все так же спокойно мурчит.

Проделываю ту же операцию только для одной руки. Рядом повисает еще один круг. Ядро стало пульсировать чуть заметнее. Хорошо, я понятливый. Как бы втягиваю силу в себя. Пульсации замедлились, а щиты пропали.

Делаю как раньше. Просто представляю конструкт щита, и тот послушно появляется рядом. Как и в воспоминании, с ладонь величиной. Забираю силу: интересно, но с практической точки зрения не время. Для интересных экспериментов